

ЦИВИЛИЗАЦИЯ САХАРОВА

Страна не приближается к идеям великого гуманиста, а удаляется от них. Невеселое признание в 80-ю годовщину со дня его рождения

Вадим Белоцерковский

Летом 72-го года я познакомился и сблизился с Сахаровым. Знакомство началось с того, что через общих знакомых Сахаров пригласил меня подписать составленные им обращения к юбилейной сессии Верховного Совета СССР (тогда пышно отмечалось 50-летие СССР) об амнистии политических заключенных и об отмене смертной казни.

Антигерой

Тогда я впервые оказался на знаменитой сахаровской кухне в его квартире на Земляном Валу. В первый момент Сахаров показался мне человеком суховатым и замкнутым, но это впечатление скоро рассеялось. В дальнейшем, встречаясь с Сахаровым, я не раз поражался тому уважению, с которым он относился к своим собеседникам. Временами становилось даже неловко: возникало ощущение, что Сахаров смотрит на тебя, что называется, снизу вверх.

И удивляло полное отсутствие видимых качеств вождя или борца. Сахаров не "вдохновлял", не поучал, не призывал, не стремился категорично обо всем судить. Он, скорее, являл собой тип антивождя.

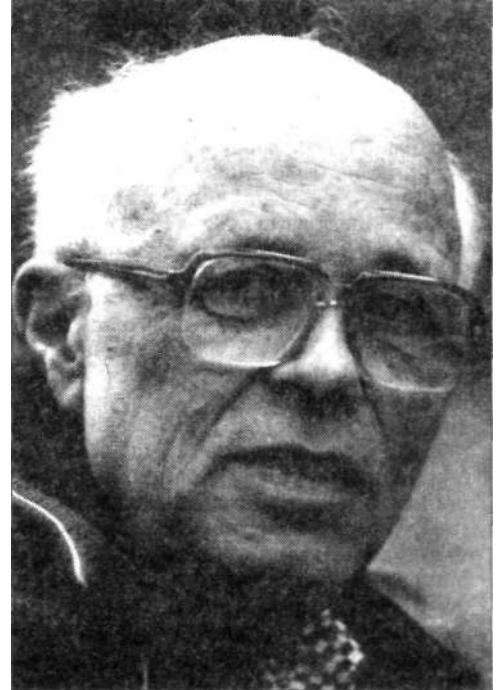
Осенью того длинного 72-го года мною занялся "генерал КГБ Карпов Ярослав Васильевич", как он представился*. (В перестройку он напечатал в "Огоньке" поканную статью, в которой предстал "полковником Карповичем".) Стал звонить и приглашать на беседу, намекая, что от этой беседы будет зависеть, получу ли я разрешение на выезд, на эмиграцию. Я узнал, что Карпов занимается самими серьезными диссидентскими делами. Так он участвовал в следствии по знаменитому "самолетному" делу - попытке похищения самолета (в 1970 году в Ленинграде) большой группой людей, добивавшихся эмиграции в Израиль. Вел Карпов и дело одного из лидеров демократического движения Виктора Красина, которого он заставил сотрудничать со следствием и предавать своих товарищей. Ветераны-правозащитники советовали мне готовиться к самому худшему: всех, за кого брался Карпов, в конце концов арестовывали.

Глава из готовящейся книги мемуаров и публицистики "Путешествие в будущее и обратно". Книга должна выйти в конце года в издательстве РГГУ.

Вел разговор Карпов удивительно "технично": каждое слово у него было в строку - нагоняло страх, подавляло. Я впервые тогда узнал, что это такое "холод страха" в желудке (холод этот разливался всякий раз, когда я слышал в телефонной трубке, что звонит Карпов!). Честно говоря, я запаниковал: понял, что буду арестован! А время тогда было для этого самое неподходящее, если так можно сказать. В тот год были арестованы диссиденты, которые казались всем неприкосновенными: генерал Григоренко и Петр Якир, сын знаменитого командарма Ионы Якира, расстрелянного Сталиным перед войной и реабилитированного Хрущевым. В лагерях заключенным стали давать вторые сроки, и создавалось впечатление, что власти намерены раскрутить этакий мини-37-й год - подчислкую упрятать в лагеря всех диссидентов.

Я пошел советоваться к Сахарову. Когда он узнал, о чем я хочу вести речь, он, красноречивым жестом показав на стены, предложил мне грифельную досочку, которыми тогда были вооружены почти все диссиденты и на которых можно было писать и легко стирать то, что не следовало знать КГБ. Но я отклонил ее. Я хотел, чтобы ОНИ слышали, знали, что я придаю усилия Карпова в отношении меня широкой огласке. С этой целью я намеренно говорил об этом и по телефону с "коррами" (иностранцами корреспондентами), с которыми сотрудничал. Я понимал, что это дает мне какой-то шанс.

Сахарова очень напугал мой рассказ, он с грустью смотрел на меня и тоже высказал предположение, что дело мое плохо. Не пытался меня приободрить, на что я в душе надеялся, и не решился мне ничего посоветовать. Посоветовал только поговорить с Юрием Шихановичем, близким другом Сахарова и опытным диссидентом, уже сидевшим в лагерях. И я встретился с Шихановичем, и он дал мне хороший, может быть спасительный, совет: ни в коем случае не ходить к Карпову, не играть в его игру! "Если он захочет, он тебя достанет! Но ему почему-то нужно, чтобы ты сам к нему пришел. Не облегчай ему работу! Скажи, что на предмет выезда ты готов говорить лишь с ОВИРОм и не намерен вести никаких переговоров с КГБ". Много позже, в эмиграции, беглый разведчик КГБ Хохлов прояснил мне "игру" Карпова: он, видимо, хотел попробовать меня завербовать перед выездом и в любом случае скомпрометировать добровольной беседой с ним!

Сахаров мягко поддержал совет Шихановича: "Да, наверное, Юра прав. У него очень большой опыт, он мужественный и очень умный человек".

Таким вот был Сахаров, что называется, в быту.

Еврейский вытрезвитель

И еще один яркий эпизод. Осенью того же 72-го года, когда палестинские террористы убили в Мюнхене группу израильских спортсменов, мы решили организовать митинг протеста около Ливанского посольства и вручить письмо протеста послу. (В Ливане размещались палестинские базы.) Я сообщил о митинге Сахарову, и он пообещал прийти.

В назначенный час оповещенные нами люди стали собираться около Ливанского посольства. (Оно находилось на Садовом кольце напротив образцовского театра кукол.) Вырастали как грибы из-под земли! В течение нескольких минут собралось около ста человек, что по тем временам было очень большим сбором. Пришли главным образом "отказники" (на эмиграцию по израильским приглашениям) и некоторое число "чистых" диссидентов. И как только пробил назначенный час, из переулков, расположенных по бокам посольства, скорым шагом вышли полчища солдат внутренних войск и охватили плотным кольцом всех собравшихся. Тут же из тех же переулков выкатились автобусы. В КГБ, разумеется, знали о нашем митинге и хорошо подготовились. Началась "погрузка" собравшихся в автобу-

сы. Проводилась она с усердием: тех, кто пытался сопротивляться, неслабо били, заламывали руки. Математика с мировым именем, профессора Мойше-зона (который, между прочим, был среди подписантов сахаровских обращений в Верховный Совет), протащили мимо меня за ноги - голова его стукнулась об асфальт - и закинули в автобус, в котором его приняли солдаты, предусмотрительно там размещенные. Но Сахарова нигде не было видно, и я был этому, конечно, очень рад: не дай бог, и он бы попал под горячую руку чекистам.

Автобусы отвезли всех жаждущих демократии и израильских виз в знаменитый вытрезвитель на Войковской улице. Знаменитый тем, что в него, как правило, отвозили всех задерживаемых участников диссидентских митингов. Среди милиционеров он получил прозвище "еврейского вытрезвителя". (Среди диссидентов было много евреев, а среди милиционеров - антисемитов!) Нас рассовали по палатам, уставленным кроватями, держали под охраной и под конвоем водили в туалет. Пошел и я в туалет в сопровождении милиционера и вдруг увидел, что навстречу мне из туалета милиционер выводит Сахарова, "на минуточку" (как говорят в Одессе) создателя советской водородной бомбы и лауреата самых высоких премий!

Оказывается, он опоздал на несколько минут и наткнулся на оцепление. Оказавшиеся рядом, за оцеплением, демонстранты воспроизвели потом замечательный диалог между Сахаровым и офицером милиции, преградившим ему путь.

- Будьте добры, - спросил офицера Сахаров, - скажите, пожалуйста, где здесь Ливанское посольство?

- А вам зачем туда надо?

- Я хочу выразить протест против убийства израильских спортсменов в Мюнхене, - прямодушно ответил Сахаров.

- Тогда вам вон в тот автобус! - показал офицер и знаком велел двум милиционерам "проводить" туда академика.

Диалог этот замечательный был и тем еще, что напоминал знаменитый ответ царя Николая Первого одному из декабристов, ведшему своих солдат свергать царя. Когда декабрист, не узнав в лицо нового царя, в ответ на его вопрос, куда и зачем он идет, ответил, что идет устанавливать конституцию, царь находчиво сказал ему: "Тогда вам вон на ту площадь!" Площадь была уже окружена верными царю войсками и артиллерией!

Поздно ночью всех "клиентов" вытрезвителя стали по одному вызывать на допрос. Прибыла целая бригада из КГБ. После допроса нас предупреждали, что в случае дальнейшего участия в подобных противозаконных мероприятиях мы будем привлекаться к суду по какой-то там статье, и выпускали из здания. Однако по традиции все освобожденные дожидались остальных своих товарищей на улице, чтобы в случае задержания кого-либо немедленно поднять тревогу. Когда выпустили меня, перед зданием милиции уже толпилась довольно большая группа освобожденных демонстрантов, в которой выделялась высокая фигура Сахарова. Вместе со всеми он простоял на улице что-то до двух часов ночи, пока не выпустили последнего демонстранта.

О том, что Сахаров не пропускал почти ни одного политического судебного процесса и целыми днями вместе с друзьями и близкими подслушивал в любое время года и в любую погоду простаивал возле закрытых дверей "открытых" процессов ("Зал переполнен", - обычно говорили охранники), хорошо известно. Составлял или подписывал Сахаров и огромное число обращений в защиту преследуемых диссидентов. Приезжал на обыски, чтобы подбадривать обыскиваемых своим присутствием в самые трудные для них первые часы. Чаще всего чекисты не пускали друзей в обыскиваемую квартиру, и им приходилось стоять часами на лестнице.

При этом известность и заслуги диссидентов не играли для Сахарова никакой роли. Он так или иначе помогал всем, кому мог. А ведь Сахаров имел основания ценить свое время не меньше, чем кто-либо другой. Солженицын, к примеру, не только не приезжал на суды, митинги и обыски, но и не подписывал обращений в защиту преследуемых. Лишь в самом начале подписал протест против помещения историка Жореса Медведева в тюремную психбольницу. (Солженицын

объяснял свое нежелание подписывать защитные обращения стремлением не допускать девальвации своего имени и подписи, которые, подразумевалось, нужны были для более важных целей.)

Отсутствие элитарного подхода и максимальная самоотверженность в поддержке преследуемых представляются мне характерными чертами Сахарова, отличавшими его, увы, от большинства советских диссидентов. Не будь Сахарова, диссидентское движение было бы куда менее заметным и подавлено было бы наверняка значительно раньше, чем это в конце концов случилось.

Валентин Турчин как-то написал, что Сахаров "демонстрирует новую модель поведения, влияние которой огромно и по-настоящему проявится лишь в будущем".

Я совершенно согласен с этим. И теперь уже можно сказать, что влияние Сахарова проявилось прежде всего в развитии международного правозащитного движения, которое в свою очередь повлияло на процесс выхода западного мира из эпохи средневековья, в которой он находился, по моему убеждению, до 1945 года, а наша страна находится и до сих пор, как и большинство стран Третьего мира. Влияние Сахарова, как это ни парадоксально, меньше всего сказалось на советском диссидентстве и советском почти не сказало на российском советском обществе.

Сахаров и Солженицын

Наряду с "моделью поведения" отличают Сахарова, конечно, и его политические взгляды, и опять же стиль, тон их изложения. За любым, даже самым маленьким, текстом Сахарова видится гуманный, мудрый и чистый человек. И мягкий, скромный - до самоуничтожения. Цитирую наугад: "Я пытался изобразить какой-то идеал". "Мне по-прежнему совершенно непонятны наши взаимоотношения с Китаем. Ну а раз непонятно, то лучше бы и не писать". (Это о себе, о том, что писал ранее!) "Постепенно я многое перестал понимать..." "Это, пожалуй, непосильный для меня вопрос".

Но лучше всего гуманизм Сахарова высвечивается в сравнении.

Солженицын, к примеру, призывая к созданию "жертвенной элиты", писал: "Ян Палах сжег себя. (Этот поступок он совершил в 1969 году в знак протеста против оккупации ЧССР войсками СССР и его сателлитов. - В.Б.) Если бы она (эта жертва) была бы не одинокой, она бы сдвинула Чехословакию" ("Из-под глыб").

Сахаров не пропускал ни одного политического суда и целыми днями вместе с друзьями и близкими простаивал у закрытых дверей "открытых" процессов
Во время суда над Ю.Ф.Орловым

Андрей Дмитриевич был энтузиастом парламентаризма и блестяще демонстрировал его возможности своими выступлениями на Съезде народных депутатов СССР

Эту мысль в том же сборнике под-держивал и развивал единомышленник Солженицына академик Игорь Шафаревич: "Самое существенное для спасения России может быть сделано лишь на единственном пути - через жертву! ...Если до готовности к жертве поды-мутся не только единицы, это очистит души, взрыхлит почву, на которой может взрасти религия. Жертва может дать силы, чтобы преодолеть многие препят-ствия, стоящие на пути России!"

Сахаров на это отвечает: "Необходи-мы демократические реформы, затраги-вающие все стороны жизни... <...> Нель-зя ограничить пути возрождения только религиозной или националистической идеологией. <... > Никто не должен рас-считывать на быстрое и универсальное решение великих проблем. Все мы долж-ны набраться терпения и терпимости, со-единяя их, однако, со смелостью и пос-ледовательностью мысли, но нельзя при-зывать наших людей, нашу молодежь к жертвам; люди в нашей стране тотально зависимы от государства, и оно проглотит каждого, не поперхнувшись, а что ка-сается жертв, то их уже было более чем достаточно" ("О стране и мире").

"Успех, - говорит Сахаров в интервью газете "Монд", - может принести лишь со-вокупность различных видов деятельно-сти. Это и правозащитное движение, и че-стный труд педагога, крестьянина, рабо-чего, ученого, и умеренное, но последовательное давление Запада. Это - и борьба за права национальных мень-шинств и за свободу вероисповедания, за право на эмиграцию и свободного выбо-ра местожительства внутри СССР, это и борьба за свободу творчества. Большое значение имеет и борьба за несправдлив-ностью на предприятиях".

Как видим - другой мир, другая ци-визация. Кроме всего прочего, утверждение Солженицына (если бы не один Палах сжег себя...) по сути - просто жестокий бред!

Отметим попутно. Солженицын и Шафаревич заявляют себя постоянно и с гордостью православными христианами, демонстрируя при этом качества, как мне кажется, весьма далекие от христианства. Сахаров же нерелигиозен, но, на мой взгляд (и не только на мой), по своему отношению к людям и своим взглядам он - воплощение лучших идеа-лов христианства.

Иные люди, признавая это (и на этом основании!), говорят о беспочвенном идеализме Сахарова, наивности, уто-пизме и т.п., на самом же деле Сахаров был трезвым, но нравственным прагма-тиком, что хорошо видно и из приведен-ных выше текстов.

Меркнущий огонь

Важной стороной сахаровского миро-воззрения было его решительное про-тивостояние всяческому национализму. Он, в частности, отвергал утверждения русских националистов, что коммунизм был привнесен в Россию извне, и рус-ский народ стал его первой и главной жертвой, и больше всех других народов Советского Союза страдает от комму-нистического режима. Он считал, что большинство людей в Советской Рос-сии в той или иной мере ответственны за установление и преступления тоталитарного сталинского режима (комму-нистический режим Сахаров, естест-венно, не называл!) и что нерусские на-роды часто страдали от него много сильнее, чем русские. Сахаров приво-

дил в пример сосланные народы. (А это не только народы Северного Кавказа, но и крымские татары, русские немцы, карело-финны, значительная часть при-балтов, корейцы. Всех даже не упоми-нешь!) Указывал он и на жестокую экс-плуатацию народов советской Средней Азии. В представлении об особой угне-тенности именно русского народа Саха-ров видел исходную позицию агрессив-ного национализма. С этой позиции на-чинают свой путь националисты всех стран и народов, разжигая ненависть и погромные настроения к "инородцам", национальным меньшинствам, сосед-ним народам.

Сахаров, на мой взгляд, стоит пос-ледней точкой на линии лучших тради-ций России, идущей от и через Чаада-ева, Герцена, Толстого, Короленко, Ча-янова, так же как и лучших традиций всего человечества. Не случайно Саха-ров указывал на Альберта Швейцера и Альберта Эйнштейна как на людей, способствовавших формированию его мировоззрения.

Но сегодня Сахаров представляет-ся мне огоньком, оставшимся за спи-ной России, на спасительном для нее пути. И с каждым днем свет от этого огонька меркнет: Россия уходит от не-го все дальше и дальше.

Так, Сахаров до конца своих дней выступал за конвергенцию социализма и капитализма "как в конечном итоге единственную альтернативу гибели че-ловечества". Россия, доверив управле-ние собой перекарасившимся номенкла-турным коммунистам и их интеллекту-альной прислуге, пошла, точнее рванулась, к капитализму, точнее к кон-вергенции капитализма с бандитизмом.

Сахаров выступал за передачу вер-ховной власти демократически из-бранным Советам. Россия пошла к президентскому самодержавию.

Сахаров выступал за свободу само-определения народов, но никогда бы не поддержал антиправовой способ ликви-дации СССР. Не поддержал бы он, разу-меется, и войну в Чечне, ни первую, ни вторую (ставшую следствием первой), как не поддержал войну в Афганистане.

Сахаров выступал за интеграцию России с сообществом цивилизован-ных и демократических стран. Россия же сейчас все решительнее отдаляется от этого сообщества, сближаясь с то-талитарными и террористическими ре-жимами-изгоями, а внутри страны разжигается антизападная и антиамер-ианская истерия.

Наконец, Россия допустила сейчас к власти людей, которые были заклятыми врагами Сахарова, пытками сократив-шими ему жизнь.

Отвернувшись от Сахарова, Россия свернула с дороги демократии и цивили-зации к авторитаризму и средневеко-вью. Вопрос вопросов - способна ли еще она вернуться к линии Сахарова или же уход с нее необратим? •